

Глава 13. Вопросы гигиены и гардероба

Добби с недоумением разглядывал своего юного господина. В этот момент он всерьёз подозревал, что тот окончательно лишился рассудка либо у него в голове закоротило важные шестерёнки. Иначе с чего бы вдруг? Эльф тоскливо теребил длинные пальцы. Чтобы Люциус Малфой — и вдруг проявил мягкость? Скажи такое кому-нибудь в магической Британии — засмеют же.

Если этот напыщенный платиновый павлин — образец нежности, то Тёмный Лорд, должно быть, величайший праведник. Ладно, возможно, к своему будущему отпрыску Люциус и проявит крупицу отеческой теплоты... когда-нибудь, гипотетически. Но простым смертным рассчитывать на подобные милости точно не стоило.

подавив вздох, Добби вырвал юного аристократа из глубокой задумчивости.

— Юный господин, могу ли я просить вас об одной услуге? — смиренно поинтересовался он.

Эта мысль пришла ему в голову лишь сегодня утром, едва он разлепил глаза. Если бы не крайняя степень отчаяния, Добби ни за что бы не посмел обратиться с подобным. Хотя он уже неплохо контролировал новое тело, изображать безропотного слугу перед хозяином с каждым днём становилось всё невыносимее. Похоже, чтобы подчинить себе оставшиеся сорок процентов физической оболочки, потребуется не один год кропотливой работы. Маги никогда бы не доверили тылы тем, кого считают низшими существами. Древние магические ограничения, вшитые прямо в разум домашних эльфов, оказались на редкость изощрёнными и жестокими.

К этому выводу Добби пришёл за последнюю неделю. По мере того как его дух проникал в самые потаённые уголки эльфийской сущности, он постепенно подбирался к её ядру. Именно тогда он осознал, насколько недооценивал магов. Высокомерие волшебников и их пренебрежение к домашним эльфам зиждились вовсе не на пустом месте — всё дело было в древнем, нерушимом магическом ограничении.

Происхождение домашних эльфов говорило само за себя — они явно состояли в родстве с высшими фейри, а значит, изначально обладали колоссальной силой. Однако маги древности наложили на них жестокое табу. Двойная печать — на плоть и на душу — лишила домашних эльфов малейшего шанса вернуть былую мощь. Даже если эльф получал одежду и обретал долгожданную «свободу», эти невидимые цепи никуда не исчезали.

Именно поэтому волшебники никогда не боялись предательства. Они спали спокойно, зная, что не погибнут от рук собственных слуг. Если хозяин умирал, его чистокровная душа беспрепятственно отправлялась в чертоги Мерлина, в то время как эльф-убийца брал на себя весь груз магического отката — его душа просто аннигилировала, разрываясь на куски. О разглашении семейных тайн хозяева тоже не пеклись. Стоило домашнему эльфу получить одежду, как память о секретах прежнего дома мгновенно блокировалась: её невозможно было считать посторонними чарами, да и сам бывший слуга не мог вымолвить ни слова. К тому же

изгнанники без подпитки от родового источника угасали за считанные месяцы.

«Твари лицемерные!»

Добби едва не задохнулся от ярости, когда осознал масштабы этой ловушки. Человечество воистину было самым безжалостным племенем на земле. Обречь целый разумный народ на вечное рабство, превратить их жизни и души в топливо для собственного благополучия!

Даже так называемая «кровная связь» личного домашнего эльфа с юным хозяином оказалась изошрённым фарсом. Маги лишь приоткрывали крошечный клапан в печати, даруя рабу ровно столько сил, сколько требовалось для безупречной службы. Но взамен в самую суть существа закладывалась ментальная мина замедленного действия. Шаг влево, намёк на бунт — и от тебя останется лишь горстка пепла.

А статус «врождённого личного домашнего эльфа» и вовсе был грёбаным издевательством. Так называли тех немногих бедолаг, чьи оковы при рождении ослабевали наполовину. Младенец-аристократ ещё в колыбели неосознанно выбирал себе такого слугу на ментальном уровне. От этих мыслей Добби скрипел зубами от злости. Ладно, глупо звать к гуманизму — в конце концов, каждый выживает как может. Будь он человеком, рассуждал бы так же. Но сейчас-то он заперт в теле этого ушастого заморыша! Он — тот самый меченый смертник. Проклятые колдуны...

Чтобы не растерять остатки души на пути к перерождению, приходилось играть по правилам. Единственной отрадой оставалось то, что рамки дозволенного были размыты. Родовой контракт не запрещал слегка... воспитывать хозяина. Главное — обходиться без летального исхода, ведь именно убийство каралось немедленным развоплощением.

— М-м? Что такое? — отозвался Люциус.

Юный наследник Малфоев даже не догадывался, какие бури бушуют в голове его домашнего эльфа. Между ними уже было заключено негласное соглашение, так что мальчик не видел причин для беспокойства. Каким бы своенравным ни рос Добби, он оставался всего лишь домашним эльфом, чьи возможности жёстко ограничены магией крови. Да и уговор есть уговор.

— Мой дорогой юный господин, — начал Добби, мысленно содрогаясь от собственной слащавости. — Вы — чистокровный лорд, рождённый блистать на самой вершине этого мира. Наследник великого рода Малфоев, вы обречены стать ярчайшей звездой на небосклоне магической Британии!

Пока эльф щедро расточал лесть, его внутреннее «я» сидело в углу и отчаянно боролось с рвотными позывами. Глядя на то, как Люциус едва не лопаётся от гордости, Добби всерьёз захотел проломить черепушку этому мелкому павлину и проверить, есть ли там хоть капля серого вещества. Неужели все Малфои дома превращаются в самовлюблённых болванов, оставляя всю свою знаменитую хитрость за пределами поместья?

— Кхм... Так вот, мой обожаемый хозяин, — вкрадчиво продолжил Добби. — Не кажется ли вам, что серое, невзрачное окружение оскорбляет ваш безупречный образ? В частности — внешний вид ваших слуг.

— Хм? — Люциус сощурился, разглядывая домовика.

На мордочке Добби застыло выражение глубочайшего раскаяния, однако в огромных глазах так и сквозила ирония. Мальчик задумчиво потёр круглый детский подбородок.

— Выкладывай прямо, Добби. Ты мой врождённый личный домашний эльф, к чему эти церемонии?

«Ишь, змеёныш, юлит, — подумал про себя Люциус. — Откуда только набрался этой дурацкой привычки ходить вокруг да около?»

— Вы зрите в самый корень, юный господин! — Добби почтительно склонил голову. — Я лишь хочу спросить... Не находит ли ваша утончённая натура глубоко оскорбительным тот факт, что в сияющем чистотой и роскошью поместье Малфоев прислуживают существа, которые годами не видели мыла, а их «одежда» не стиралась со времён основания Хогвартса? Эта семья — признанный эталон стиля и хорошего тона во всей Европе! Стоит вам появиться на публике, как все замирают в восхищении. И вдруг в вашем доме обитает стая грязных, засаленных домашних эльфов... Разве это не пятно на репутации столь изысканной семьи?

В глубине души Добби отчаянно завидовал безупречной внешности малфоевских лордов, но если судить непредвзято, именно это семейство вызывало у него наибольшее уважение. На фоне безумия Блэков, безмозглой храбрости Поттеров и упрямства и недалёкости Уизли Малфои выделялись редкой адекватностью. Они не просто обладали лоском — их искренняя, жертвенная преданность друг другу и семейному очагу действительно брала за душу.

Хотя, конечно, Добби просто искал благовидный предлог. Ради возможности ежедневно мыться под горячей водой и носить чистые вещи он был готов пойти на любые ухищрения. А судьба остальных домашних эльфов... Да плевать ему было на них, лишь бы его собственная шкура не зудела от вековой грязи.

Заметив, что Люциус начинает медленно бледнеть и каменеть, эльф деликатно кашлянул в кулак:

— Кхм... Подумайте сами, мой дражайший хозяин. Блюда, которые подают к вашему столу, приготовлены руками тех, кто десятилетиями не мылся. Безупречно убранные спальни, ваши личные вещи, книги, роскошная постель — ко всему этому прикасаются грязные, покрытые пылью пальцы...

— Хватит! — истошно взвизгнул Люциус, внезапно позеленев.

Мальчик брезгливо передёрнулся. О великий Мерлин, почему эта очевидная и пугающая мысль никогда раньше не приходила ему в голову?! Он годами жил в этом рассаднике заразы! В жопу фамильную гордость — сейчас юного наследника заботило лишь собственное тело. Его нежная, холёная кожа соприкасалась с вещами, которые... О преисподняя! Ему срочно требовалось принять ванну. Немедленно! Смыть с себя саму мысль об этом кошмаре!

— Добби! — закричал Люциус, срываясь на фальцет. — Я приказываю тебе! Сию же секунду отправляйся на кухню и заставь каждого домашнего эльфа в Доме Малфоев вымыться до скрипа! Тот, на ком останется хоть пылинка, получит от меня одежду и полетит вон из поместья! А ты... ты немедленно закажи для всех вас приличную, чистую форму! Пусть отмоются и наденут её! Отныне вы обязаны мыться ежедневно. Каждый божий день вы должны приступать к работе безупречно чистыми и в свежем платье! Ты меня понял?!

Добби довольно ухмыльнулся и уже направился к дверям, но у самого порога замер, притворившись озадаченным:

— Мой милый юный господин, если мы все уйдём приводить себя в порядок, кто же приготовит для вас ужин?

Люциус яростно замахал руками, на ходу скидывая мантию и пулей несясь в сторону ванной комнаты:

— К чёрту ужин! Я вообще пару дней поголодаю! Живо марш отмываться, пока я не содрал с вас шкуру!

Проводив взглядом умчавшегося хозяина, Добби лишь хмыкнул. Всё-таки маниакальная малфоевская брезгливость порой оборачивалась невероятной пользой.

<http://bllate.org/book/18185/1752937>